

Арминий (Герман) Вамбери

**Очерки и картины восточных
нравов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А83

А83 **Арминий (Герман) Вамбери**
Очерки и картины восточных нравов / Арминий (Герман) Вамбери – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 283 с.

ISBN 978-5-4241-7111-6

ISBN 978-5-4241-7111-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КАРТИНЫ ВОСТОЧНЫХЪ ПРАВОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ интересѣ, напечатанныхъ мною до сихъ поръ очерковъ изъ жизни мусульманской Азіи, подлежащія страницы должны были бы появиться не *послѣ*, но *до* изданія моего «Ислама въ девятнадцатомъ столѣтіи». Почти половина моихъ этюдовъ набросана была болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, отчасти даже во время моего пребыванія на Востокѣ, но я долго откладывалъ полное изданіе отдѣльныхъ этюдовъ¹⁾, такъ какъ думалъ отказаться, въ виду моего незначительнаго описательнаго таланта, отъ обработки сюжета, за который бралось уже не одно перо.

Если все таки я рѣшился на эту попытку, то тому содѣйствовали слѣдующія обстоятельства. Во первыхъ дружеское приглашеніе, исходившее съ компетентной стороны, дѣйствовало слишкомъ поощряющимъ образомъ, чтобы я могъ противустоять этой попыткѣ. Во вторыхъ, я давно работаю надъ корнесловіемъ тюрко-татарскихъ нарѣчій и, хотя это занятіе — анатомическое разчлененіе самыхъ замѣчательныхъ изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ языковъ — способно сильно приковать къ себѣ вниманіе, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что небольшая прогулка изъ сферы теоріи въ область практики благотворна для ума и души, такъ какъ ничто такъ не укрѣпляетъ и не придаетъ столько силъ, какъ освѣжающее вліяніе пріятной перемены. Въ третьихъ, всякій, кто въ теченіи своихъ юныхъ и зрѣлыхъ лѣтъ долго жилъ въ Азіи и въ точности изучилъ страну и людей, возмимѣетъ желаніе изобразить тѣ нравы и обычаи, которые нѣкогда питали его любознательность и возбуждали къ себѣ высокой интересъ своимъ страннымъ, нер-

¹⁾ Изъ нихъ три или четыре напечатаны въ венгерскихъ англійскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ.

обычнымъ характеромъ, особенно, если воспоминаніе о нихъ сохранилось и въ позднѣйшіе годы во всей своей свѣжести.

Такова краткая исторія происхожденія моихъ «Картинъ нравовъ», и согласно ей я прошу судить мою книгу. Поставивъ своей задачей избѣгать всего тяжеловѣснаго, я передавалъ въ своихъ новѣйшихъ очеркахъ воспріятыя въ свое время впечатлѣнія въ возможно неподкрашенной и правдивой формѣ, и если мнѣ приходилось обращаться два или три раза въ цѣлой книгѣ къ чужимъ источникамъ, то лишь въ такихъ случаяхъ, когда новыя изслѣдованія дополняли мои собственные наблюденія. Вѣрный своему девизу: *utile dulci*, я старался и въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ моихъ сочиненіяхъ, заинтересовать популярнымъ изложеніемъ возможно большій кругъ читателей. — Азія, повидимому, въ скоромъ времени сдѣлается тою частью земнаго шара, гдѣ жаждущей дѣятельности Европѣ предстоитъ разрѣшить въ высокой степени важныя историческія, культурныя и социальныя проблемы, почему необходимое разсѣивать туманъ и расширять болѣе и болѣе знакомство съ восточными нравами и обычаями.

Буда-Пештъ, 15 Апрѣля 1876.

Г. В.

I.

Домъ и дворъ.

«Дворецъ калифовъ сіялъ золотомъ и мраморомъ, великолѣпная мозаика украшала стѣны и полъ, непрерывно бьющіе фонтаны и каскады распространяли пріятную прохладу, располагая своимъ журчаніемъ къ освѣжающей дремотѣ. Роскошныя вьющіяся растенія и тѣнистыя деревья служили мѣстопробываніемъ безчисленному множеству пѣвчихъ птицъ. Потолки комнатъ, испещренные мазаикой, блестяли золотомъ и красками, богато одѣтые рабы въ ярко-цвѣтныхъ шелковыхъ тканяхъ наполняли дворецъ, а во внутреннихъ покояхъ жили красивѣйшія женщины въ мірѣ». Такъ описываетъ А. Ф. Кремеръ, остроумный и ученый авторъ «Исторіи Культуры Востока», калифскій дворецъ омеядовъ въ Дамаскѣ. Въ подобномъ или еще болѣе живописномъ свѣтѣ выставляются блескъ и великолѣпіе дворцовъ знаменитыхъ мусульманскихъ царей древности, и въ этомъ нѣтъ нисколько преувеличенія, такъ какъ роскошныя постройки мавровъ въ Испаніи, аббасидовъ въ Багдадѣ и тимуридовъ въ центральной Азіи и Индіи—единственны въ своемъ родѣ и вполне достойны глубокаго изумленія со стороны потомства. Но ошибочно, однако, заключать, при видѣ прошлаго величія и роскоши востока, о всеобщности этихъ признаковъ благосостоянія и богатства, и еще ошибочнѣе судить о состояніи современнаго востока по этимъ древнимъ памятникамъ роскоши. Нынѣ востокъ есть лишь историческое понятіе, и какъ гордо возвышаются внушительныя еще въ своихъ развалинахъ памятники архитектуры Сулейманіи, Гератъ, Самаркандъ, Агра, надъ окружающими ихъ жалкими хижинами, иллюстрируя печальное сказаніе о «царѣ и нищемъ», такъ рѣзокъ контрастъ

между прежнимъ и нынѣшнимъ востокомъ, такъ широка пропасть между созданиемъ нашей вскормленной въ юности на арабскихъ сказкахъ фантази и грустною дѣйствительностью, представляемой настоящимъ востокомъ.

Обыкновенно говорятъ, когда рѣчь заходитъ о легкихъ тонкихъ деревянныхъ зданіяхъ Стамбула, что турки лишь раскинулись лагеремъ въ Европѣ. Я полагаю, что можно идти далѣе и, обобщивъ эти слова, сказать, что всѣ жители Азіи располагаются лагеремъ, ибо жилища ихъ, даже въ главныхъ городахъ магометанскихъ странъ, выстроены ли они изъ дерева или изъ кирпича и булыжника, не могутъ быть названы «домами» въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Въ западныхъ магометанскихъ странахъ, именно тамъ, гдѣ архитектура и комфортъ византійцевъ оказывали сильное вліяніе на мусульманскихъ завоевателей, тамъ, по крайней мѣрѣ, внѣшній видъ дома соответствуетъ нѣсколько европейскому понятію этого слова. Этажи со множествомъ большихъ, близко отстоящихъ другъ отъ друга оконъ, выходящихъ на улицу, крыши, балконы, ворота, — все напоминаетъ западъ, но, повторяю, только по наружному виду, ибо, при входѣ во внутренность жилища, мы снова увидимъ передъ собой голый ориентализмъ. Вездѣ страшная пустота, но чѣмъ просторнѣе помѣщеніе, чѣмъ больше въ немъ пустоты, тѣмъ лучше чувствуетъ себя его обитатель, вкусъ котораго въ этомъ отношеніи рѣзко выразился поговоркой: «Лучше получать побой въ удобномъ, просторномъ жилищѣ, чѣмъ хорошую пищу въ узкой комнатѣ». Вся мебель, даже у самыхъ богатыхъ людей, состоитъ изъ одного дивана, прилегающаго къ тремъ стѣнамъ, и если бы иногда полъ не покрывался тонкими коврами, то подобное жилище показалось бы европейцу совершенно необитаемымъ. «Вы европейцы», часто приходилось мнѣ слышать, «до такой степени переполняете свои комнаты мебелью, что вамъ почти негдѣ двигаться». Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы восточный житель свободнѣе двигался въ своемъ жилищѣ, чѣмъ мы. Онъ сидитъ, скорчившись, въ углу своего дивана, и только глазъ его любуется просторомъ громадной комнаты. Подобнаго рода жилище не можетъ назваться ни уютнымъ, ни удобнымъ, ни красивымъ, и даже гигиеническимъ условіямъ соответствуетъ оно лишь въ известномъ отношеніи. Если лѣтомъ оно представляетъ много пріятныхъ сторонъ, то зимой оно невыносимо, и еще теперь меня охватываетъ ужасъ, когда я вспомню о тѣхъ холодныхъ зимнихъ дняхъ и вечерахъ, которые я проводилъ въ Стамбулѣ въ домахъ бывшихъ министровъ. Тепло, рас-

пространяемое мангаломъ (жаровней), достаточно лишь для одѣтаго въ шубу восточнаго жителя, но, оно быстро выходитъ черезъ тонкія деревянныя стѣны, и не разъ случалось мнѣ утромъ собирать съ своего одѣяла снѣгъ, проходившій черезъ стѣнныя щели и окно, подлѣ котораго стояла моя кровать. Только въ новѣйшее время, наплывъ западной культуры вызвалъ нѣкоторыя перемены въ домахъ знатныхъ турокъ. Появились кушетки, стулья, кресла и столы, но больше, однако, ради моды, чѣмъ для употребленія, ибо мягкое сидѣнье миндера, (шатрацъ дивана, приблизительно въ 4 фута ширины), служить для восточнаго жителя гораздо болѣе удобнымъ мѣстомъ отдохновенія, чѣмъ стулъ, сидя на которомъ онъ не можетъ поджать подъ себя ногу, но долженъ свѣсить ихъ, а это утомляетъ и держать его въ напряженномъ состояніи, отчего стулъ и получилъ названіе «франскій колъ».

По мѣрѣ удаленія отъ Турціи внутрь Азіи, наружный видъ дома теряетъ красоту и пріобрѣтаетъ, наконецъ, характеръ той намѣренной запущенности, которая вызвана съ одной стороны гаремнымъ бытомъ, а съ другой, необходимостью вѣчно дрожать предъ произволомъ властей. Тамъ, гдѣ, влѣдствіе преувеличенной и ложно понятой нравственности, женскій полъ боязливо избѣгаетъ чужаго взора и гдѣ богатство и довелие служатъ главными поводами къ притѣсненіямъ, тамъ легко понять, почему жилище снаружи представляетъ лишь голыя, грязныя и размытыя дождемъ глиняныя стѣны, тогда какъ внутри часто убрано роскошно и съ большими блескомъ. Такой особенностью отличаются преимущественно нѣкоторые города Сиріи и Персіи, отвѣчающіе до известной степени господствующему на западѣ представленію о древневосточной роскоши и комфортѣ. Поражаешься уже при самомъ входѣ черезъ узкія мрачныя ворота на первый широкій дворъ, по срединѣ котораго обыкновенно находится продолговатый резервуаръ съ водой. Особенно пріятное впечатлѣніе производятъ маленькіе сады, и хотя въ комнатахъ, расположенныхъ по тремъ сторонамъ двора, замѣчается по прежнему пустота, но за то, нерѣдко, богато изукрашенныя стѣны съ изображеніями цвѣтовъ и птицъ, а въ Персіи и женскихъ фигуръ, носятъ печать истинно восточнаго орнаментальнаго искусства. Старинная мода покрывать потолокъ позолотой и украшать его великолѣпными арабесками и вставными зеркальными стеклами удержалась только внутри Азіи, и какъ въ древнія времена, такъ и нынѣ персы не имѣютъ соперниковъ въ этомъ искусствѣ. Европейца поразитъ также употребленіе въ громаднѣмъ количествѣ раскрашенныхъ гравюръ, прилагае-

нихъ въ нашихъ модныхъ журналахъ, для украшенія переидскихъ салоновъ. Впоследствии я узналъ, что эти гравюры составляютъ предметъ особой торговли.

У сприйцевъ и жителей Туркестана за дворомъ открывается галлея, называемая *айванъ*, соответствующая переидскому *тамару*, большому, устланному коврами залу съ раскрытымъ всю зиму и лѣто окномъ въ передней стѣнѣ, которое со вкусомъ украшено искусной рѣзбой и изъ котораго видны сады и резервуаръ. Здѣсь принимаются гости, исполняются обиденныя дѣла и здѣсь же обыкновенно отдѣляются отъ всѣхъ заботъ, созерцая по цѣлымъ часамъ зеленый дугъ и волнистую поверхность бассейна, въ духѣ арабскаго двустипіа :

«Se laasetun jerilu' min el Kalb el harn».

«El Mai dschari el hadhravat ve sedschih ul husn».

Три предмета выгоняютъ тоску изъ сердца:

Текущая вода, зеленый дугъ и красивое лицо.

Значеніе воды и дуга лѣтомъ равносильно значенію огня зимой. «El nar fakihat esch schita» (огонь есть плодъ зимы) говоритъ арабъ, разумѣя, конечно, огонь въ восточномъ смыслѣ этого слова, ибо этотъ огонь въ нашемъ болѣе суровомъ климатѣ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы отвѣчать своему назначенію. Сидитъ ли европеецъ у мангала или очага (каминъ), онъ всегда мерзнетъ съ одного бока въ то время, какъ другой на половину превращается въ жаркое, если только онъ не въ шубѣ и не одѣтъ, какъ всѣ восточные жители, въ толстое платье, и если онъ не сидитъ, подобно имъ, по цѣлымъ часамъ на одномъ и томъ же мѣстѣ безъ всякаго движенія,—мука, конечно, еще болѣе невыносимая для европейца, чѣмъ всякій холодъ. Не менѣе страннымъ можетъ показаться для насъ употребленіе *тандура*,—приспособленія, посредствомъ котораго теплота жаровни сосредоточивается на толстомъ, ватномъ одѣялѣ, за которымъ прячется все общество такимъ образомъ, что иногда видны только головы и руки. Тандуръ, тепловой аппаратъ, употребляемый специально женщинами, представляетъ пош plus ultra восточнаго комфорта въ суровое время года. О руководствѣхъ или другихъ каеихъ либо занятіяхъ не можетъ быть при этомъ и рѣчи; весь день проходитъ въ пѣніи, разговорахъ, спаньѣ или въ слушаніи сказокъ и рассказовъ о жизни святыхъ.

Хотя на востокѣ дождь, по своему царужному виду и внутреннему

устройству, не может быть ни малѣйшихъ притязаній на роскошь и красоту, но нельзя отрицать, что онъ удовлетворяетъ въ большей степени цѣлямъ комфорта и извѣстнымъ гигиеническимъ условіямъ, чѣмъ у насъ на западѣ. Уже одно то обстоятельство, что по всей нагометанской Азіи каждый живетъ въ особомъ домѣ, есть громадное преимущество предъ казарменной системой большихъ европейскихъ городовъ. Къ этому присоединяются еще другіе выгоды, между прочимъ просторные дворы и изобиліе воды повсюду, гдѣ это только возможно; но особеннаго вниманія заслуживаетъ повсемѣстный на востокъ обычай устраивать лѣтнія помѣщенія. Переменная жилища составляетъ потребность какъ для горожанина, такъ и для бѣднаго обитателя степей. Вездѣ, даже у народовъ, говорящихъ на иранскихъ языкахъ, существуетъ различіе между *айлакомъ* и *кишлакомъ* (лѣтнимъ и зимнимъ помѣщеніемъ), что лучше всего указываетъ на туранское происхожденіе этого обычая. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ настоящее время, турки стоятъ выше всѣхъ народовъ въ дѣлѣ выбора мѣста для своихъ дачъ, равно какъ и ихъ устройства. Хотя отъ восхитительныхъ кіосковъ тимуридовъ въ Заряфшанѣ и Мургабѣ остались лишь историческія воспоминанія и великолѣпныя развалины, но и нынѣ ялисы на берегахъ Босфора единственны въ своемъ родѣ и несравненны по своему изяществу. Отдалившись нечѣ, чѣмъ на часъ пути, отъ суматохи и спертого между цѣлымъ моремъ зданій воздуха, гдѣ, среди томительнаго зноя, почти не колыхнется паутина, вы наслаждаетесь въ ялисѣ свѣжестью сѣвернаго бриза и иногда для защиты отъ него должны одѣться даже въ теплое платье. Но какъ прелестны вечера, что за чудесныя лѣтнія ночи! Нѣтъ болѣе высокаго наслажденія, какъ любоваться въ іюньскій или іюльскій вечеръ съ просторнаго балкона, находящагося у самаго берега моря, волшебною картиною ночи на Босфорѣ. Сіянье высокаго звѣзднаго неба соперничаетъ съ искрометнымъ отблескомъ небесныхъ тѣлъ, глубоко погружившихся въ свѣтлую поверхность моря. Трудно отдѣлаться отъ сладкой дремоты, — дремоты, которая лишь изрѣдка прерывается глухо отдающимися въ глубокой ночной тишинѣ ударами руля убѣгающаго вдалѣ каяка или унылыми восклицаніями муэцина, призывающаго къ ночной молитвѣ. «*As salatu chaig min al naum*» (молитва полезнѣ сна), раздается со стройнаго минарета. Но добрый муэцинь, кто сомкнетъ здѣсь глаза, когда и на яву видишь прелестнѣйшіе сны! Если небо облачно, то за отсутствіе звѣзднаго свѣта вознаграждаетъ мѣстными морское населеніе. Каждая крошечная рыбка оставляетъ за собой свѣт-

луд полосу на своємъ пути по волнамъ, содержащимъ въ изобиліи фосфоръ. Движеніе рыбъ видно, какъ въ аквариумѣ. Кто могъ бы изобразить вѣрными красками картину охоты дельфина или мечарыбѣ? Съ самаго начала появляется нѣсколько зубчатыхъ свѣтовыхъ лучей; это—движущіеся впередъ острия иглы цѣлой группы убѣгающихъ рыбъ, за которыми слѣдуетъ масса свѣта, какъ бы изливающегося изъ безчисленнаго множества звѣздъ, и, наконецъ, за ними съ быстротою стрѣлы движется колоссальная свѣтовая полоса какой нибудь хищной рыбы, впереди которой повсюду видны дрожащія звѣздочки отъ огромной стаи убѣгающихъ маленькихъ рыбокъ. По цѣлымъ часамъ любовался я этимъ любопытнымъ зрѣлищемъ и причисляю свое пребываніе на Восторфѣ (я жилъ лѣтомъ въ теченіи многихъ лѣтъ въ одной виллѣ въ Канидшпѣ, на азіатскомъ берегу) къ самымъ сладкимъ воспоминаніямъ моея богатой приключеніями и странствованіями жизни.

Отъ пріятныхъ свѣтлыхъ сторонъ нашей картины мы должны теперь обратиться къ сторонамъ мрачнымъ. Я разумѣю господствующее на всемъ востокѣ, особенно въ мусульманскомъ мірѣ, рѣзкое разъединеніе между двумя полами и связанное съ нимъ раздѣленіе дома на двѣ половины. *Гаремъ*¹⁾ и *саламникъ* (особенное, запретное мѣсто и мѣсто для свиданія), какъ говорятъ турки, или *эндерунъ* и *бирунъ* (тамъ и здѣсь), какъ выражаются персы, суть слова, смыслъ которыхъ глубоко чувствуется восточнымъ обществомъ, такъ какъ въ самомъ домѣ они составляютъ камень преткновенія, на который ежеминутно наталкиваешься. У бѣдныхъ людей двѣ половины дома раздѣлены просто перегородкою, а у богатыхъ многими промежуточными комнатами, называемыми *мабейнъ*, которыя считаются какимъ то преддвѣріемъ святилища, куда закрыть доступъ для постороннихъ. Только въ случаяхъ болѣзни врачу или другу дозволяется перешагнуть черезъ этотъ барьеръ, но и въ этомъ случаѣ впереди идущій ввухъ долженъ громко возглашать: «*Kimse olmazsin*» (прочь съ дороги). Это значитъ *vaive qui reut* для женщинъ, которыя случайно попались бы на дорогѣ. Лишь только раздастся этотъ возгласъ, какъ все внезапно, какъ будто отъ преслѣдованія неумолимаго врага, бросается къ дверямъ или къ какому нибудь потайному мѣсту, и если какой либо женщинѣ не удастся скрыться, то она со страхомъ закрываетъ лицо

¹⁾ Слово гаремъ значитъ женская комната, а въ болѣе широкомъ смыслѣ—міръ женщинъ, женщина. Таковъ же и характеръ нѣмецкаго слова *Frauenzimmer* женщина.

руками и, присѣвъ въ уголъ, оборачивается къ припелцу спиною. Женская половина дома по своему внутреннему устройству мало отличается отъ селамлика, за исключеніемъ развѣ нѣкоторой, вывезенной изъ Европы, мебели и другихъ «французскихъ» нововведеній, которымъ болѣе консервативный прекрасный полъ до сихъ поръ старается преграждать доступъ. Хотя эта половина дома требуетъ значительныхъ надержекъ, — ибо гаремъ у лицъ высшего класса имѣеть особую кухню, особыя кладовыя, особую прислугу, и т. д., что и затрудняетъ главнымъ образомъ вступленіе въ бракъ у мусульманъ, — но она представляетъ сравнительно незначительныя выгоды. Такъ напр., благодаря гарему, можно избѣгнуть посѣщенія какаго либо неприятнаго лица, легко ускользнуть отъ грозныхъ поползновеній дрожайшей половины, не покидая дома или не подвергаясь преслѣдованію. Имѣеть съ тѣмъ гаремъ удобенъ въ отношеніи религіознаго притворства, напр. при соблюденіи строгаго поста во время рамазана, когда гдѣ нибудь въ тиши можно хорошо поѣсть, безъ нарушенія приличія и не являясь предъ мужскою прислугою богоотступникомъ. Быть можетъ, гаремъ представляетъ еще другія, для меня неизвѣстныя, преимущества, но всё они, конечно, ничтожны въ сравненіи съ тою дисгармоніею, которая порождена этимъ неестественнымъ обычаемъ и которая уничтожаетъ всякую возможность дамашняго быта въ нашемъ смыслѣ, всякую внутреннюю связь между супругами и всё блага семейной жизни.

Общій характеръ беспорядочнаго, лишоннаго содержанія и связи дамашняго быта выражается въ громадномъ штатѣ прислуги, которую держитъ богатый восточный человѣкъ съ цѣлю окружить себя почтотомъ, благоговѣніемъ и комфортомъ. Въ обществѣ, гдѣ все пресмыкается и основной тонъ котораго есть подчиненность, трудно указать границу, гдѣ начинается роль слуги. У турокъ во главѣ прислуги стоятъ *кафтанъ алаи* и *кайя*. Обязанности перваго, хранителя верхняго платья, какъ показывается самое слово, носятъ болѣе служебный характеръ, между тѣмъ какъ послѣднему, управителю по смыслу слова, порученъ высшій надзоръ за домою. Оба они также мало лакеи, какъ майордомы или дворецкіе на западѣ, хотя оба нажились отъ щедротъ своего господина; часто они даже богаче его и носятъ званіе слугъ больше изъ благодарности, или подъ личиною скромности или приличія, обнаруживая зависимое положеніе свое въ рѣдкихъ случаяхъ тѣмъ, что подадутъ иной разъ трубку или стакають воды. Непосредственно за ними въ Турціи стоятъ хранители трубокъ, бѣлья, гардероба, а также лица, заботящіяся

о кофе; нѣтъ подчинены другіе слуги, которые въ совокупности составляютъ, даже при самыхъ скромныхъ условіяхъ, весьма значительный штатъ. Но и этого недостаточно для притязательнаго турецкаго комфорта; кромѣ всѣхъ этихъ слугъ, существуютъ еще вольноотпущенные невольники, которые, въ качествѣ приемышей, получаютъ пожизненное содержаніе, и хотя на старости лѣтъ они уходятъ отъ своего господина, но зато въ молодости слѣдуютъ за нимъ неотступно, какъ тѣни, такъ что онъ, — какъ, по крайней мѣрѣ, было въ обычаѣ 20 лѣтъ тому назадъ, — отправляется даже на прогулку въ сопровожденіи 5—8 лѣниво переваливающимися за нимъ слугъ.

Тѣмъ не менѣе турки, въ отношеніи численности прислуги, всегда были скромнѣе и менѣе требовательными, чѣмъ персы, у которыхъ господинъ имѣетъ не только позади, но и впереди себя цѣлую свиту, между тѣмъ какъ люди съ вѣсомъ положительно составляють для себя авангарды изъ оборванныхъ, грязныхъ и неполучающихъ жалованья слугъ, которые передъ мирзою или ханомъ шествуютъ въ двѣ шеренги. «Искать счастья» значитъ въ Иранѣ примкнуть къ свитѣ какого нибудь господина. Это слѣдуетъ понимать буквально, такъ какъ въ городѣ господинъ, находясь между своими слугами иногда въ теченіи цѣлой недѣли, не знаетъ и половины ихъ, не говоря уже о томъ, что онъ не содержитъ ихъ и не платитъ имъ. Драбанты этого сорта идутъ такъ сказать на биржу лишь съ одними своими собачьими наклонностями; по цѣлымъ днямъ стараются они уловить взоръ господина, и если удастся привлечь на себя его вниманіе, то уже является надежда на полученіе опредѣленнаго мѣста. Само собою разумѣется, что жатва соотвѣтствуетъ многотрудному посѣву, прогулкѣ съ пустыимъ желудкомъ и долгимъ ожиданіямъ. Наемный слуга иногда вѣренъ своимъ обязанностямъ и не чуждъ преданности, но онъ всегда готовъ обогатиться незаконнымъ путемъ на счетъ своего хозяина. Уже на Восторѣ страннымъ кажется, какъ можетъ хозяинъ совершенно хладнокровно переносить, чтобы его слуга, получающій сотни, проживалъ тысячи и, кромѣ того, строилъ себѣ дома и приобрѣталъ имѣнія. Но въ Персіи распущенность въ этомъ отношеніи достигла еще большихъ размѣровъ; такъ здѣсь слуга при самомъ наймѣ совершенно свободно и открыто уговаривается насчетъ предстоящаго медахила (незаконнаго дохода). У господина по совѣсти спрашиваютъ, сколько можно у него украсть въ мѣсяцъ? Онъ назначаетъ опредѣленную сумму, но при этомъ также имѣетъ въ виду обмалуть своего слугу.